

Лирическая вуаль геопэтики Ксении Скво

Недавно (2021) вышел в свет сборник стихотворений Оксаны Матуляк (под псевдонимом Ксения Скво) «Сны Птицы», который предваряет пронизательное высказывание крымского поэта Марины Звинник, открывающее смысловой код этой весьма приметной книги: её автор – «птица певчая» и «коренная крымчанка» – обладатель «таинственных чар».

Вникая в стихи, действительно увлекающие своей поэтической магией, рождающей в душе ответные рефлексии и творческие движения, читатель быстро убеждается, что ему посчастливилось встретиться с истинной поэзией...

При первом обращении к этой красиво изданной книге обращает на себя внимание необычный псевдоним автора. В интервью, всплывшем в сети, Оксана Матуляк сообщила происхождение своего литературного имени: «"Скво" меня называл друг – большой поклонник романов Фенимора Купера и культуры ацтеков и инков. Теперь этим индейским именем зовут все знакомые».

Кто помнит фильмы об индейцах, тот знает: так – «моя скво» – в давние времена индейцы называли своих жён и верных подруг, что звучало тепло и торжественно одновременно. Эта особая тональность в отношении к скво, акцентированная фильмами нашего времени, была обусловлена не тем, что они женщины, а тем, что они женщины, воспитанные в особых культурных традициях индейских племён: обладая силой и дерзкой смелостью, слыли боевыми подругами своих мужчин, отличаясь при этом неотразимой женственностью, подчёркнутой оригинальной одеждой и искусными замысловатыми украшениями (чокерами и сотуарами); с особой выразительностью несли в себе племенную мудрость поклонения природе и верность традициям...

И мы, после соприкосновения с книгой Оксаны Матуляк, где представлен её многоговорящий фотопортрет и оригинальный лирический голос, понимаем, что литературная мимикрия в образе Скво обусловлена не только ностальгическими ассоциациями ранней молодости, вошедшими в душу через выражение «моя скво» из модного молодёжного сленга: в обращении к этому псевдониму, связанному с давним индейским укладом жизни, угадывается стремление поэта зафиксировать нечто очень существенное, а, может быть, и самое главное в своём личностном видении мира, чему она, вероятно, не нашла наименования в современных цивилизационных понятиях. Но убедиться в верности своей догадки можно только погрузившись в атмосферу и смыслы этой объёмной (213 стихотворений) и многообещающей книги.

Своим необычным названием – «Сны птицы» – она сразу настраивает на некую отстранённость автора от обычной жизни: ведь птица живёт над землёй... Но будем читать и попытаемся кратко записать свои впечатления и наблюдения...

Наиболее частотны в книге мотивы радостных и тревожных переживаний молодого сердца в его естественных вибрациях любви и поэтического восторга. Наиболее очевидная вербальная плоть книги – любовная лирика. Она, несомненно, взволнует читателя градусом эмоций и искренности:

...Твоё имя слизывали волны,
На песке сгорал последний след.
Ветер запах твой унёс, а полдень
Всё смотрел на это и ослеп...
«Твоё имя», 03.11.2017

Ветхое покрывало стелет хмельное лето,
Кто не успел укрыться – сжарит своим нутром...
<...>
Хочется выпрыгнуть в небо, вылиться первой росой.
Кажется – на пределе, рвётся с тобою нить...
Затмение в моём сердце избавит меня от боли.
Я не люблю тебя больше – я меньше не в силах любить.
«Затмение в моём сердце...», 18.07.2019

...Я касаюсь твоих волос,

Они пахнут морской волной.
Моё сердце с твоим сплелось,
Оно дышит, живёт тобой.

Распахни мою клетку, дай
Надышаться тобой навек
И скорей уже прилетай,
Мой далёкий, родной человек.
«Положи меня на траву...»,
23.05.2020

...Ты со мной. Солёный ветер –
Обнажённый летний бриз.
Август нас вплетает в сети
Свежестью алмазных брызг.
«Ночь волною будит море...»,
17.08.2021

Не однажды читательскому сердцу предстоит отозваться неординарным посланиям поэта о
благости и противоречивости, о силе и зыбкости любовного чувства:

...Мы с тобой одной водою мечены,
Дождевой пропитаны насквозь.
Мы с тобой на небесах повенчаны,
Здесь мы – врозь.
«На небесах повенчаны», 26.04.2019

У нас с тобой одно большое сердце,
Одни глаза, что видят в людях свет.
В объятьях наших может мир согреться,
Вот только мы в своих объятьях – нет...
«У нас с тобой...», 07.10.2019

...Сквозь капли дождя ты мне снился,
Растерянный и с рюкзаком,
Холодной водою пролился,
А я на земле босиком
Стояла и руки тянула,
Сквозь сон понимала – люблю...
Прохладная осень вздохнула
И сны отдала октябрю.
«Сквозь капли дождя ты мне снился...»,
07.10.2020

Вот теперь наконец-то спокойно,
Полный штиль моему кораблю.
War is over, с меня довольно,
Не люблю, никого не люблю!
<...>
Вот теперь наконец-то спокойно...
Да кого я хочу обмануть!
Game is over, но всё ещё больно,
Без тебя новый день вдохнуть.
«War is over», 8.10.2020

...Река легла у ног, не перейти,
Я лишь смотрю на берег твой печально...
С тобой идти – идти не по пути,
Мы это знали изначально...
«Заледенели стены», 07.12.2021

А по завершении чтения книга вообще предстаёт как *панорама перманентного боя, отстаивающего главную ценность жизни – любовь* («мне без любви никак»)...

Но пространство этой цельной поэтической книги пронизано и каким-то иным, необъяснимым, напряжением, которое затрагивает более глубокие слои читательской души. Сразу даже трудно понять, откуда исходит это волнующее воздействие любовной лирики поэта...

Но вот, постепенно углубляясь в книгу, замечаем, что практически все стихотворения, звучащие как история любви, держатся на крымской пространственной оси:

...Я близко

К твоим мечтам, к твоим ненастным дням,
Ко снам твоим, что не дают покоя.
Я здесь, смотри в окно, увидь меня!
Я – море.
<...>
Вот ночь на небе разожгла костры,
И звёзды, падая, ложатся в море.
Я вижу даль, где ярким светом – ты,
Нас двое.

Мы птицы, избежавшие силка –
Навстречу ветру, солнцу и друг другу,
Наш путь далёк, он через облака,
Он к югу...
«Ты думаешь о нас...»,
03.06.2009 – 27.10.2021

И более того, можно сказать, что все переживания драматической траектории личной судьбы записаны поэтом по крымской матрице:

Нам с тобою не плыть в одной лодке,
Ты на север гребёшь, я на юг,
У нас разные метеосводки,
У нас разные карты, мой друг.

Я огонь созерцаю, ты в воду
Опускаешь пронзительный взгляд,
Я люблю небеса и свободу,
А ты строишь пиратский фрегат.

Нам с тобою не быть в одной связке,
Ты – на запад, а я – на восток,
И в твоей привлекательной сказке
Ждёт меня потаённый силоч.
«Нам с тобою не плыть в одной лодке...»,
27.11.2020

Наконец, окончательно убеждаемся, что поэт не пишет о любви отдельно, а о Крыме отдельно, являя редкий опыт владения методом многослойного поэтического письма, вряд ли осознаваемого самим поэтом. Рассмотрим конкретно, как этот интуитивный метод работает в стихотворении «На взлёт!»:

Я обниму твой самолёт и небо под тобою.
Полсолнца в рюкзаке твоём. На взлёт!
Воздушный Крым растает за спиною,
Закатный луч в иллюминаторе моргнёт.

Тебе махну, и лес протянет ветки,
Танцую, листья полетят в твои края...

Мелькнут огни посадочной разметки,
Как меганомский золотой маяк.

Ты спустишься по трапу – по тропинке,
Прохладный бриз куда-то унесёт
С походных кед твоих судакские песчинки.
Запахнет морем... Было и пройдёт.

Распустит нити цепкая столица,
Затянет в сети повседневных дел.
Но долго Крым тебе ночами будет сниться,
Где для меня ты маяком горел.
«На взлёт!», 12.10.2021

В основе стихотворения, на первый взгляд, обычный сюжет – расставание лирических героев, – проникнутый светлой печалью: расставаться грустно, потому что улетает дорогой героине человек, яркий и светлый, который здесь, в Крыму, «горел» для неё «маяком». Но, начиная с первой строфы, в стихотворении развивается, переплетаясь с любовным, ещё один сюжет, и героем его, несомненно, является судакский Крым, в зримом образе Меганома и его «золотого маяка». Этот второй, изящно выстроенный сюжет, волей автора, ценностно превозносит Крым над «цепкой столицей» (затягивающей в суетные «сети»), ибо ещё долго Крым почему-то будет держать вернувшегося пилигрима в своей несуетной власти («ночами будет сниться»).

При более глубоком погружении в тексты начинаем замечать, что параллельно с впечатлениями в стихах прорастают и *знаковые крымские открытия поэта*, главное из которых – талантливое поэтическое обозначение необъяснимой тихой власти крымской ауры над душой человека:

Мы на концерте тишины.
Дыши легко, глаза закрой.
Достань души карандаши,
Пиши, питаясь тишиной.
У края мира при луне
Ты сказки мне свои прочти,
Со звёздами наедине
Надежду в море опусти.
Под танец радужных медуз
Рассей песочные мечты,
Прольёт тепло прибрежный блюз
На лодку в ночь, где я и ты.
И будет небо рядом плыть,
Планеты золотом мерцать,
Держись за руку тишины,
Мы вместе с ней идём гулять.
13.07.2018

Как видим, сама жизнь лирической героини движется вокруг крымских образов – неотрывно и взаимообусловленно: кажется, она не состоялась бы без крымского обрамления, так и Крым, без отражения в душе поэта, остался бы невыявленным.

В ряду многослойных поэтических откровений поэта о таинственности акта стихосложения произведение «В небо смотрю» воспринимается неким апофеозом поэтической космологии: в нём процесс рождения стихотворения представлен как мистерия искрящего взаимодействия души поэта и крымского пространства:

Из океанских глубин – к далёким планетам,
Где ритмы сбиваются в тон аритмий,
Где мимо меня проплывают скелеты,
Созвездий, роняя вселенскую пыль.
Там тёмное море холодные скалы
Пленит, разбивая волной,
Стираются наголо острые скулы
Утёсов солёной водой.

В тот мир я стремлюсь одиноким началом,
Высокие волны в пути.
У горных вершин в колыбели качает
Луна неродившийся стих.
Возьми меня, утро, в пучины галактик,
Костры разжигай по Земле,
Я крылья свои в жертву новых закатов
Кладу на твоём алтаре.
Нет страха, цепей больше нет, оборвались,
Пульсар поглощает лучи...
Я музыкой в космос ещё раз рождаюсь,
Чтоб душу свою излечить.
Растянется время цветной карамелью,
Кометы распустят хвосты,
И в горных лесах из пустой колыбели
Ребёнком появится стих...
06.01.2018

И вот мы вдруг открываем, что и чутьё божественности мироустройства приходит к поэту по наитию реальных пространственных впечатлений:

Подходишь к ночному окну.
<...>
На небо – пронзительный взгляд.
Ты смотришь, а звёзды сияют
И тихо с тобой говорят.
Внутри что-то скоро проснётся,
Ещё один маленький вдох,
Ты слышишь, как искренне бьётся
В душе твоей спрятанный бог?..
«Заложница собственных мыслей...»,
26.11.2004

Духовность мироустройства живёт в её поэтическом мире реальными образами и проявляется в любви к природе как одухотворённой сущности. Её душа выплёскивает своё отношение к природной красоте как ярчайшему проявлению божественной воли, как алтарю Высших сил, заслуживающему поклонения подобно христианскому храму:

...Храм мой расстилается у ног,
Я молитвы посылаю прямо
В этот край, где в каждом слове бог.
Где холмы, покрытые полынью,
Прячут солнца розовый закат,
Где летает над прибрежной синью
Горько-сладкий лета аромат.
К небесам безоблачным стремятся
Птицы-мысли в полной тишине,
И молитвы, чтобы состояться,
Пёрышком возносятся к луне.
Их прочтёт блуждающий Всевышний
И любовь рассеет по холмам...
Я иду, ступая еле слышно,
По дороге в этот главный храм.
07.03.2020

От осознания божественности мира один шаг к ещё одному важнейшему открытию поэта – о тайне своей экзистенциальной сосредоточенности на поэзии:

Твой голос течёт у меня в крови,
Натянуты струны до боли,

Ложится на сердце космический ритм
И тянет в бездонное море.

Как песни сирен из холодных глубин,
Как нежная лира Орфея,
Твой голос ведёт мимо рифов и льдин
В пленяющее логово змея.

Мелодией дышит сквозь кратер луны,
И кто его слышит – робеет,
Твой голос крадёт беспокойные сны
И делает солнце яснее.

Смогу ли тебя до конца изучить?
Скажи по секрету мне, кто ты...
«Твой голос течёт у меня в крови...»,
10.01.2021

Здесь читатель встречается с одним из самых талантливых поэтических запечатлений поэта – о некоей сущности, не постижимой обычным земным сознанием: поэт воплощает свою настоящую потребность – как-то обозначить надмирный импульс своего чутья («твой голос течёт у меня в крови») к «космическому ритму» мироздания, к гармонизирующей силе поэзии («твой голос крадёт беспокойные сны и делает солнце яснее»), своего притяжения к таинственным граням человеческой жизни («пленяющему логову змея»)...

Это стихотворение говорит ещё и о том, что чутьё божественности мира и надмирности поэтических импульсов живут в её мироощущении рядом и переливаются одно в другое.

Прочитав книгу целиком, убеждаемся, что природный образ певчей птицы – отнюдь не театральная маска, которая нередко придумывается и надевается стихотворцами лишь по случаю, для пушного поэтического эффекта: для Ксении Скво жизнь в образе птицы – действительно глубинное самоощущение, которое движет творческой фантазией поэта, начиная от мотива своей «неперелётности» из родных мест («смотрит, чарует и пристальный взгляд не отводит») и внутренней свободы («стану птицей белой, что высоту без тебя отправится покорять»; «не полечу со всеми в стае, <...>. Останусь здесь, в своей тиши...») до трагического мотива потери счастья полёта, а, значит, и счастья песни, впервые прозвучавшего в книге строками стихотворения «Стрела моя» («Стрела моя, неси на крыльях песни, / Им места нет уже в моей тиши! <...> Меня же одиночество согреет...»). По существу, все важнейшие вести о жизни лирической героини не обошлись без образа птиц:

Запускала в сердце ласточек,
Птицы грелись на груди,
Щебетали звонко, ласково,
Обещали разбудить.
<...>
Щебетали песни ласково,
Оказалось – всё враньё...
Запустила в сердце ласточек –
Выпускаю вороньё.
«Запускала в сердце ласточек...».
30.12.2020

...Они по отдельности где-то бродили,
Встречались с другими, встречали рассвет.
Но сквозь километры друг друга любили,
Летели на свет.

И пусть не давало пространство им сбыться,
Чертой разделив небосвод.
Они были словно свободные птицы –
У каждого свой полёт.
«Ему было тридцать...»,

11.09.2020

Если вдруг меня в небе не станет,
Если крылья не сдюжат полёт,
Ты найдёшь на коралловых скалах,
Средь камней оперенье моё.

С ним разрушатся воля и грёзы,
В нём надежды рассыплются в прах.
Солнце высушит жгучие слёзы
И оставит на этих горах.

Яркой вспышкой распустится вечер,
И над морем закат поплывёт.
Птичьим криком отправится в вечность
Дорогое мне имя твоё...
«Если вдруг...», 09.03.2021

...Птица сильная во мне
Не дала сгореть на дне,
Крыльями разбила гнев
И остыла.
Расплескались небеса,
Словно слёзные глаза.
Я на крыльях-парусах
Уходила.
*«Вечер плавил небеса...»,
07.10.2021*

Но самое удивительное, что это самоощущение птицы, опьяняющее жизнью и полётом, не унесло автора стихов в мистическое надмирие или в область абстрактного умозрения, не оторвало её поэтическое внимание от земли. Но как такое стало возможно?..

После прочтения всей книги нет сомнений, что едва ли не в каждом стихотворении Ксении Скво присутствует крымское пространство, в его судакской грани. Правда живёт оно в стихах как некая таинственная сущность, как вещь в себе, внедряясь в смыслы которой автор как будто и не пытается... Но эти разнообразные метки крымского пространства в стихах Ксении иллюстрируют точки её мощного душевного заземления:

...Дом мой здесь – среди могучих скал,
У костра морского великана.
«Кара-Даг», 24.04.2019

Город проник глубоко, растекаясь по венам.
Голое небо летело из-под колёс.
Я же была до последнего городу верной,
Он на руках меня в Чёрное море нёс.

Город баюкал, читал Мураками и Блока,
Я засыпала под песни его ветров.
Звон тишины брал за горло строптивые строки,
И выжимал всю печаль из моих стихов.

Город учил, баловал, пел мне песни на крышах,
Мы с ним бродили, гуляли, сходили с ума.
Он все стихи, даже самые грустные, слышал,
И, несмотря ни на что, всегда обнимал...
«Город», 05.02.2021

...Здесь можжевелики скрипят в ночи,
Их крутит ветер, рвёт стволы немые.
Здесь моё сердце от любви кричит

И оmyвает раны вековые.

Здесь мой покой, пристанище в тиши.
Я пилигрим, который ищет страны.
Наполнит море грусть моей души,
И облака постелью мягкой станут.
«Новый Свет», 23.03.2021

Представление о Судаке и его окрестностях как укромном месте, где можно сохранить живую душу, убедительно зафиксировано судакскими поэтами разных времён. Вот, к примеру, строки из откровения Аделаиды Герцык (1872 – 1925) о судакских природно-бытийных дарах: «Этот кров зелёный / И всплески моря / Царскою короной / Венчают горе. // Был мой мир безвестным / И мглою полным, / Ныне в мире тесном – / Простор и волны. // <...> Ещё путь наш долог / И смутны цели, / Нужен яркий полог / Над колыбелью» (*«Устилайте хвоей...», 1912, Судак*). В книге Ксении Скво эта идея многообразно продолжена мыслью о врачующей силе крымской природы, и каждый раз – просто и ненадуманно – о благодатном общении с ней: «На обратном пути рассветало. / Я летела на крыльях домой. / Море тяжесть мою впитало / И оставило под водой» (*«С морем», 11.05.2020*); «В четырёх стенах невыносимо, / Знаю, травы в поле расцвели, / А над морем ты летишь красиво, / И парят в тумане корабли. // Дотянусь до звёзд и вместе с ними / Выйду этой ночью погулять... / Утро майское меня росой обнимет, / На траву положит отдыхать» (*«Ночь гуляет по безлюдным переулкам...», 30.04.2020*). Мысленно включая эти поэтические запечатления Ксении Скво в уже наметившуюся в цепочку, можем уверенно сказать, что восприятие судакского пространства как покрова души и судьбы от суетности является устойчивым мотивом судакской геопоэтики.

Среди конкретно названных крымских мест души поэта особенно выделяется Меганом, который воспет как полюс внутренней свободы в судакском ареале:

...Вино, разбавленное морем,
Солёной сладостью горит,
А над волшебным Меганомом
Душа счастливая парит.
Ей хорошо здесь, ей свободно...»
*«Вином разбавленное море...»,
17.09.2016*

...Здесь всё живёт не увядая,
Рассветы плаваются в закат,
Полынь-трава шаги считает,
И воздух горьковат.
Здесь мы останемся собою,
И на поверхности воды,
Нас дымкой Меганом укроет,
В ней – я и ты...
«Стоишь один...», 18.09.2017

Душа поэта, настроенная на безыскусность первозданной природы, остро реагирует на цивилизационное освоение этого, чарующего нетронутостью, уголка Крыма:

Посадили в клетку Меганом:
Режут степи, завывают пилы.
Там же детство проросло моё!
Защитить его не в силах.

Словно сердце брошено в бетон,
Горький запах рубленой полыни,
Слышу ветер и протяжный стон
Умирающей под гул машин пустыни.

Кровь течёт из глины и песка
На его ободранную кожу.

Меганом замолкнет на века,
Говорить земля уже не сможет...
«Посадили в клетку Меганом...»,
24.01.2021

Нельзя не заметить, что поэтическое полотно книги несёт в себе будто бы нечаянно оставленные метки о неисчезающей внутренней связи переживаний личности судакского бытия автора и её устойчивых экзотических аллюзий: «Индийское лето поёт нашим голосом...» («Крыши Алушты», 26.09.2020); «Ты – лев, ты – огонь, ты – торнадо! / Я – птица с нетленным пером. / С тобою нас ждёт Эльдорадо / И в джунглях заброшенный дом...» («Ты – омут...», 15.09.2020); «Спит Алчак, сомкнувши веки, – / Моря древняя душа, / Скалы-гордые ацтеки / В небо смотрят не дыша...» («Спит Алчак», 21.01.2021). И как не заметить, что в стихотворении «Плачет вечер», своеобразном некрологе Эннио Морриконе (легендарному автору саундтреков к фильмам об американском Диком Западе), образ «желтеющих прерий», навечно запечатлённый этим композитором в музыке, как бы произвольно выплывает из ветра степного Судака: «Плачет ветер в степи по тебе, / Ты бесшумно уходишь с закатом, <...> / Твоя музыка дышит весной, / Знойным летом желтеющих прерий...». Да и сама неотрывность душевной жизни лирической героини от природных стихий, явленных судакским ареалом, тоже воспринимается аллюзией её самоощущения вольной птицы, живущей, подобно индейцам и их дерзким скво в гармоническом единстве с природным миром.

И вот приходит момент встречи со стихотворением, через которое читатель получает едва ли не итоговое осознание своего общения с книгой Ксении Скво. Очевидно, что это стихотворение написано в состоянии невероятной экзистенциальной тревоги, вызванной трагедией в жизни близкого друга. В таких состояниях вскрываются самые интимные глубины человеческой души: здесь авторское чувство одухотворённости мироздания впервые обретает имя нашего Бога, и сам поэт впервые видится в свой реальный бытийный рост:

*«Только в Боге успокаивается душа моя: от Него спасение моё.
Только Он – твердыня моя, спасение моё, убежище моё:
не поколеблюсь более» (Псалом 61:2 – 3).*

Твоя тьма обернётся светом –
Впереди самый тёмный час.
Ночь пылает кровавым рассветом,
Тишиною по венам струясь.

Твоё сердце сжимаю – бейся!
Страх за горло держу – борись!
И над пропастью в равновесии,
Как умелый атлет, держись.

Скоро зверь поползёт наружу,
Пламя выльется изнутри...
Ты свою изнурённую душу
В этот день навсегда усмири.

Я же буду ночами молиться:
Собирать твои слёзы в ладонь,
Отдавать на рассвете птицам
Из глубин негасимый огонь.

Станет храмом твоё подземелье,
И однажды забытой тропой
Я приду к твоей маленькой келье,
Чтобы рядом найти покой.
«Твоя тьма обернётся светом...»,
05.06.2020

Впечатляет, в первую очередь, самоотверженная решимость лирической героини пробудить чувство Бога у попавшего в беду близкого друга: «Твоя тьма обернётся светом...»; «Станет

храмом твоё подземелье»...Вся прочитанная книга не позволяет читателю пропустить благодатную мысль о причине такой разности потенциалов героини и её адресата в противостоянии с драматичностью бытия: поэт, столь осязаемо освоивший, посредством чувственного и духовного созерцания своей земли, истинный смысл и радости жизни, способен крепко стоять на ногах в противостоянии с её трудностями и потому стремится удержать «над пропастью в равновесии тех», кто не имеет такой устойчивой бытийной опоры и ищет смыслы существования на пути эфемерных радостей.

Это стихотворение связывает все произведения книги в единое смысловое пространство и, как яркий луч света, открывает читателю, что наш крепко стоящий в этом мире поэт добывает свою бытийную крепость в напряженном общении с реальным миром, данным ей в драгоценном образе родной судакской степи.

Конечно, о Крыме и Судаке написано много стихов, но поэтическое чувство Ксении Скво не питается заимствованиями из крымских достижений других поэтов, предпочитая проявляться в кругу самостоятельно добытых впечатлений и интуитивно опознанных сущностей. И только законам родства с родной землёй, которыми с детства задана её личная программа мировосприятия («Там же детство моё проросло!»), она подчиняется полностью. В этом фокусе читательского взгляда вся эпопея книги – это, прежде всего, пространная авторская весть, через которую зримо структурируется *ментальное поле истинной крымчанки: трепетное жизнелюбие и многослойное воображение, обострённое чувством трагического и усиленное аллюзиями её экзотического имиджа.*

Потребуется совсем небольшое мыслительное напряжение, чтобы, ещё раз оглядев пространство книги как панораму авторского чувство- и смысломира, понять, что именно неразрывная связь поэта с ландшафтом обитания удержала её в реальном мире. В этой системе координат и наступает момент, когда код «неперелётной птицы» оборачивается своей главной и истинной стороной – как *знак заряженности жизненного поля поэта крымскими притяжениями, которые невозможно преодолеть.*

То есть под лирической вуалью поэтического откровения автора книги обнаруживаются онтологические слои, конкретно и доказательно отражающие неотделимость человека от пространства обитания, доступные, однако, лишь чуткому пространственному созерцанию, которым щедро наделена поэтическая природа Ксении Скво. И мы с уверенностью можем отметить, что на судакском литературном небосклоне объявился ещё один творческий человек, овладевший геопозитикой как средством глубинного поэтического мышления, чувствования и воображения.

И вот, наконец, в этом оконтуренном ценностном поле начинаем осознавать, какие неповторимые субъективные штрихи вписаны лирическим эпосом «Сны птицы» в образ Крыма: это место земли не просто органичная среда обитания души, что не однажды подтверждено поэтическими откровениями едва ли не всех русских поэтов, соприкасавшихся с этим земным локусом, для Ксении Скво Крым – *строительный материал самой жизни, охранная зона личностной идентичности, некая вселенская бытийная опора жизни.*

Убедившись во внутренней связи поэта и многосложного крымско-судакского пространства, начинаем значительно острее воспринимать и смысловую игру псевдонима, обещающего, что постоянно включённая интуиция Ксении Скво на влиятельное присутствие пространственных и природных ценностей в своей жизни и судьбе может вывести её на новый виток в общении с родной землёй. И мы можем предположить, как наиболее вероятное следствие, что поэтический сейсмограф поэта зафиксирует и иные, ранее не замеченные глубинные импульсы судакского смыслоизлучения.